

И.С. Ревяков
РОЗАНОВ КАК РЕДАКТОР
«АВТОБИОГРАФИИ ПРАВОСЛАВНОГО ЕВРЕЯ»
С.И. ЦЕЙХЕНШТЕЙНА^{*}

Аннотация. В статье речь идет о книге, которую В.В. Розанов редактировал и собирался включить в последний том своего собрания сочинений. Это книга «Автобиография православного еврея» С.И. Цейхенштейна. Рассматриваются поэтика и стиль этой книги.

Ключевые слова: В.В. Розанов; С.И. Цейхенштейн; русская литература; иудаизм.

Revyakov I.S. Rozanov as editor of the book, «Autobiography of an Orthodox Jew» by S.I. Zeichenshtein

Summary. The article deals with the book that V.V. Rozanov edited and was going to include in the last volume of his collected works. That is «Autobiography of an Orthodox Jew» by S.I. Zeichenshtein. The poetics and style of this book is considered.

Keywords: V.V. Rozanov; S.I., Zeichenshtein; Russian literature; Judaism.

«Автобиография православного еврея» С.И. Цейхенштейна – явление в своем роде уникальное. Уникальность этого явления определяется несколькими особенностями.

^{*} Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00184 «Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Дополнение. “Записки С. Цейхенштейна” с пояснениями В.В. Розанова».

Во-первых, это издание было подготовлено к печати В.В. Розановым, который ознакомился с книгой в рукописи, и она произвела на него сильное впечатление, настолько сильное, что именно рукопись этого произведения явилась одним из первоисточников для его книги «Юдаизм», поскольку, по словам В.В. Розанова, именно «добрейший Цейхенштейн для меня и был авторитетнее всяких ученых: ибо говорит об *обычаях*, что *есть*: и это ценнее всяких объяснений»¹.

Во-вторых, сам В.В. Розанов не надеялся на то, что эта рукопись, при всем своем интереснейшем содержании, будет когда-нибудь издана: «В моих руках интересная рукописная книга: “Автобиография православного еврея”. С приложением: Букет, или Перевод талмудических рассказов, анекдотов и легенд; таковых же и других еврейских авторитетных книг, – сочинение Семена Ильича Цейхенштейна, в лист формата, страниц 296–192, написанная евреем, перешедшим в православие в 40–50-х годах, исполненная ума и наблюдательности, и написанная по совету местных епархиальных астраханских владык Хрисанфа и Феогноста. Автор подробно рассказывает жите-бытие своих родителей; и вообще тут много *быта* и *подробностей*, осуждаемых автором, но рассказываемых им, местами вызывающих негодование, или смех, но не утаиваемых. Автор болит душой; нельзя не почувствовать, что это глубоко несчастный, запутавшийся душою человек, не понявший *обоих* морей, в которых он плыл в разные половины своей жизни. Так как книга эта, вероятно, никогда не увидит свет печати, то, по братству человеческому, не можем отказать себе в удовольствии привести здесь одну (187–188) страницу, как-то попутно вырвавшуюся у него *о себе, о русских евреях*»².

И вот здесь возникает один из множества парадоксов, связанных с предлагаемой читателю книгой. Сам Розанов был весьма внимательным и проницательным читателем. И вот этот проницательный читатель говорит, что автор, по сути дела, не понял ни иудаизма, ни православия, и вместе с тем автор этот явился «авторитетнее всяких ученых».

Второй парадокс заключается в том, что, не надеясь на то, что рукопись будет издана, Розанов тем не менее готовит ее к изданию, выступая не просто в роли редактора, но интерпретатора и даже текстолога.

С чем же связан такой пристальный интерес Розанова к книге? По всей вероятности, с тем, что, во-первых, эта книга написана евреем, перешедшим из иудаизма в христианство, т.е. человеком, приобщившимся к двум религиозным традициям (или «обоим морям», по образному выражению Розанова); во-вторых, эта книга написана евреем, а к евреям Розанов испытывал какое-то особое «пристрастие и любопытство» (по воспоминаниям А.М. Ремизова, «проще всего привести к Розанову еврея. Спросишь по телефону, назовешь – никогда не откажет: какое-то особенное пристрастие и любопытство к евреям. И весь вечер проговорит. И уж, конечно, ни с кем не спутает»³).

Книга, как следует из ее названия, по своей жанровой принадлежности относится к автобиографическому жанру.

Автобиография исторически (в христианской традиции), как известно, является разновидностью жанра исповеди, весьма популярного в европейской литературной традиции, начиная с Августина Блаженного. И первое, что обращает на себя внимание в композиции текста книги С.И. Цейхенштейна, – это ее смысловая нагрузка. Не мудрствуя лукаво, обратимся к плану книги, представленному на ее первых страницах:

«Для редактора и типографии:
возможные разделения книги для №№ журнала: страницы:

1–19. История крещения автора.	19
20–33. Цель книги – ознакомить с бытом талмудистов и натурой его; характеристика Талмуда.	14
34–48. Трогательные рассказы о деде и об отце (быт и психология <i>гетто</i>).	15
48–69. [Моя жизнь в доме отца (быт)] День и неделя благочестивого талмудиста.	21
70–90. [Моя жизнь в доме отца] Продолжение.	20
91–116. Талмудические образы, молитвы и воззрения.	26
116–154. Талмудическое обучение, нравы школ (<i>еврейская бурса</i>).	38
154–182. Религиозное разделение евреев. <i>Секта хосидов</i>	28
182–206. Еще о хосидах.	24

206–221. Еще о хосидах. – Поступление автора в эту секту.	15
222–253. Год “тар” (1840) и ожидание.	31
254–296. Пасха у евреев.	42» ⁴ .

Согласно приведенному содержанию, книга начинается с крещения главного героя, его перехода в христианство, а завершается описанием иудейского праздника Пасхи, во время которого, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос, после чего Он воскрес.

На содержательно-символическом уровне такая композиционная структура текста предполагает, так сказать, «движение вспять»: от своего рода воскрешения души к ее распятию, к ее смерти, представляя, таким образом, своего рода самоотчет-исповедь (снова обратимся к Розанову, который в одной из своих статей характеризует данную автобиографию следующим образом: «Автор книги, как рассказывает он сам в ней, сбежал в православие, решительно угнетенный талмудическим благочестием своего отца; но сбежал, пройдя всю возможную премудрость раввинских школ старого закона. <...> Тон рассказа необыкновенно чистосердечен, как в общем, так и во множестве частных. Автор рисует картину юдаизма, почти варшавско-венско-виленского гетто, как невероятную духоту непонятных для него мелочностей, суеверий, фанатизма, которая не рассеется, пока в нее не брызнет свет извне. Он – местами юморист; можно сказать, что он нигде не лжет (не чувствуется этого в тоне) и сплетает свою биографию с любопытнейшими, для него, очевидно абсолютно непонятными, еврейскими ритуальными подробностями, которые местами и на мой, по крайней мере, взгляд представляют разительное любопытство»⁵), но при этом же «Автобиография православного еврея», как книга (пусть и рукописная, но книга), т.е. как факт материализованного текста, впервые появляется в печати.

Обратим внимание на то, что книга, посвященная «бегству» в православие от иудаизма, как характеризует ее Розанов, во-первых, «движется» в обратную сторону (чисто формально: от крещения в православие к иудейской Пасхе), а во-вторых, является исследованием иудаизма. Это оказывается, по сути дела, ее методологическим основанием, т.е. ее сердцевиной.

Можно ли это считать своего рода художественным приемом Розанова? Полагаю, что да. И такой выбор для Розанова отнюдь не является случайным, поскольку, думается, он (этот выбор) напрямую определяется эстетикой его мироощущения, эстетической архитектурой его творческого бытия, поскольку «Розанов, – по словам С.Н. Носова, – хотел, чтобы искусство стало жизнетворящим, и он, соответственно, всемерно реабилитирует наслаждение – клеймит христианство как религию скорби»⁶: именно это и дает нам право на догадку, почему книга по своему содержанию, повествующая о бегстве в православие от иудаизма, по своей композиционной структуре оказывается движением от крещения к иудейской Пасхе и тем самым становится сердцевиной розановского исследования иудаизма.

Если мы посмотрим на самоотчет-исповедь как на отдельный, как на самостоятельный литературный жанр, то должны отметить, что в наиболее ясной и отчетливой форме ее (исповедь) охарактеризовал М.М. Бахтин в качестве литературного произведения, в котором «герой завладевает автором. Эмоционально-волевая предметная установка героя, его познавательно-этическая позиция в мире настолько авторитетна для автора, что он не может не видеть предметный мир только глазами героя и не может не переживать только изнутри события его жизни; автор не может найти убедительной и устойчивой ценностной точки опоры вне героя. Конечно, для того чтобы художественное целое, хотя бы и не завершенное, все же состоялось, какие-то завершающие моменты нужны, а следовательно, и нужно как-то стать вне героя (обычно герой не один, и указанные отношения имеют место лишь для основного героя), в противном случае окажется или философский трактат, или самоотчет-исповедь, или, наконец, данное познавательно-этическое напряжение найдет выход в чисто жизненном этическом поступке-действии»⁷.

Естественно, к книге С.И. Цейхенштейна не следует относиться как к художественному произведению, хотя она может (с известными оговорками) рассматриваться и в этом ключе. Книга эта – прежде всего этический поступок автора. А коль скоро это – этический поступок, то и рассматривать ее надо именно в этом контексте. В своем трактате, посвященном философии поступка, М.М. Бахтин говорит о том, что самоотчет-исповедь – это подроб-

ное «описание мира единственной жизни-поступка изнутри поступка на основе его не-алиби в бытии», причем «индивидуальное и единственное»⁸, т.е. неповторимое, уникальное. По всей вероятности, именно этот глубинный архитектурно-ценностно-этический стержень и привлек пристальное внимание Розанова к данному произведению.

Но возникает закономерный вопрос, каким образом, с помощью каких средств, помимо композиционной структуры, заявленной в содержании, данный стержень присутствует и тем самым обнаруживается в тексте С.И. Цейхенштейна?

Очевидно, здесь следует остановиться на трех моментах, а именно: 1) композиционная структура, представленная в плане книги; 2) стилистические особенности текста; 3) смысловое содержание произведения.

Если о композиционной структуре мы уже сказали несколько слов, то закономерным будет перейти к стилистическим особенностям текста произведения, ведь именно стиль во многом задает общий тон высказывания, формирует и тем самым определяет его, наиболее полно воплощая в себе и выражая собой авторскую индивидуальность и неповторимость, т.е., по сути дела, определяя уникальность и, следовательно, единственность текста как проявления этического поступка.

Что касается авторского стиля Цейхенштейна, то он подобен устной речи: здесь нет четко отточенных формулировок, готовых формул, наукообразия и тому подобного, наоборот, авторский стиль воплощает собой свободное течение устной речи, например: «Говорить здесь об каких-либо условий относительно перехода, — если, сочинения в Вашу собственность, — я считаю совершенно неуместным. Мне даже совестно упомянуть об этом, вполне понимая, что сочинение это не может быть ценимо наравне с другими сочинениями, авторы которых люди ученые... высокообразованные... Я, злополучный автор прилагаемого сочинения, — ни больше ни меньше как самоучка (что, впрочем, видно из предисловия к оному сочинению), поэтому мне ценить этот, свой, труд — не приходится. Мое одно искреннее желание, чтобы русский, христианский люд, прочитал мое простое, убогое в грамматическом отношении сочинение, остался б доволен прочитанным и сказал бы мне “Спасибо”, — и я вполне сочту себя вознагражденным за свой

труд»⁹. Этот фрагмент по своей стилистике напоминает другое произведение, «Письмо к ученому соседу» А.П. Чехова. Вспомним, к примеру, его начало: «Извините и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом...»¹⁰. Как видим, оба фрагмента по своему стилю практически тождественны друг другу. И тот и другой тексты написаны в исповедальном стиле, но если чеховский рассказ пародирует и тем самым высмеивает необразованность и невежество героя, от лица которого ведется повествование, то текст Цейхенштейна насмешки над повествователем не вызывает, поскольку Цейхенштейн весьма талантливо и искренне описывает путь собственных духовных поисков и находок.

Собственно говоря, начиная приблизительно с 30–40-х годов XIX столетия, исповедальность как стилиобразующая черта начинает в известном смысле этого слова доминировать в русской словесности, здесь достаточно вспомнить и «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, и его же «Авторскую исповедь» и «Выбранные места из переписки с друзьями», и Ф.М. Достоевского с его героями, которые постоянно исповедуются друг другу и самим себе, и т.д. Можно вспомнить и В.В. Розанова, который также приходит к известного рода исповедальности, благодаря приему авторской саморефлексии, что нашло свое отражение и воплощение и в его «Уединенном», и «Опавших листьях», и в «Смертном», и в ряде других произведений.

Исповедальный стиль Цейхенштейна накладывает свой отпечаток как на содержание, так и на форму его повествования. Так, например, автобиографические фрагменты прерываются вставками авторских переводов из Талмуда, причем автор настолько увлечен излагаемым им материалом, что начинает останавливать сам себя, возвращаясь к магистральной линии своего повествования. Для иллюстрации этого положения приведем в качестве примера один (достаточно длинный, но показательный) фрагмент из книги Цейхенштейна: «Для прохождения курса учения в помянутых хедерах, обыкновенно требуется два-три года (для тупоумных – даже больше – 4–5 лет); но с меня, очень прилежного и старательного к учению, достаточно было одного года, чтобы изучить все, чего требуется знать в данном возрасте, начиная от “Алифбейс”

(азбука) до “Хумеша” (пятикнижия) включительно. При этом мне приятно вспоминать (отчасти даже горжусь этим), что меламед мой, кстати сказать, человек довольно суровый и беспощадный, ко мне всегда относился с каким-то особым уважением и, само собою разумеется, ни разу не подвергал меня унижительному наказанию вроде вышеупомянутых. Раз только досталось мне штук 15 треххвосткой (зачем скрывать!), но это было “за дело”... Следовало б вдвое больше: во время товарищеской игры я разозлившись за что-то на ровесника своего, камнем расшиб ему голову до крови. (Как видите – и я же был хорош сахар.) <...> Затем еще что-то в этом роде. Задается такой вопрос: “На тельную корову наскочил чужой бык и оттого она выкинула мертвого теленка, – обязан ли владелец быка заплатить владельцу коровы убытки, понесенные им, последним, от преждевременных родов коровы, или нет?” Решение этого вопроса, я, к сожалению, забыл. Впрочем, крепко сожалеть об этом нечего! Обойдемся без этого.

А вот кое-что о находках: “Две личности являются к раввину или Даиону (помощник раввина); личности эти обе крепко держатся за какое-то платье и каждая с своей стороны заявляет спор о принадлежности платья ей на общих правах нахождения находок, – как тут помирить обе тяжущиеся стороны? спрашивается. В решении этого, на самом деле трудного, вопроса, талмуд поступает чисто по-Соломоновски. Он мудрейший из мудрейших талмуд, велит находку разделить пополам, но с тем, однако ж, чтобы каждая сторона предварительно присягала, что она имеет в находке, не меньше половины части”. (Мне кажется, скорей всего, следовало б заявить полиции о найденной находке.) <...> Затем идут разные талмудические уроки на разные темы, например, как должно производить резание животным, как и чем жених обручает невесту, что должна исполнять замужняя женщина по окончании периода месячного очищения также после родов и т.д. и т.д. Есть также из тяжких уголовных, довольно щекотливых вопросов. Например. Известно ведь, что блудотворение, по Моисею, одно из тягчайших преступлений и оно безусловно наказывается смертью обоих, участвовавших в тяжком грехе прелюбодеяния. Но возрождается вопрос такого рода, вопрос: если блудодействие произошло совершенно неожиданно, без преднамерения со стороны совершивших оно – тогда как? Например, такой, поистине, дивный

случай: мушина (еврей, конечно) спал на крыше дома, а внизу, возле дома, спала также женщина в крайне небрежном положении. Мушина, намереваясь вероятно перевернуться на другой бок, как-то сделал неловкое движение, поскользнулся, слетел стремглав вниз и... прямо на спящую женщину... Что дальше происходило – догадайтесь сами. <...> Однако, будет! А то, до того, пожалуй, увлечешься, что половину талмуда переведешь... Пора говорить про себя»¹¹.

Здесь следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в России начинают выходить переводы сакральных иудейских текстов на русский язык и их исследования, в качестве примера приведем ставшие уже классическими переводы Талмуда, Мишны и Тосефты, выполненные Н. Переферковичем¹².

Таким образом, переводя (фрагментарно) сакральные иудейские тексты, описывая быт, нравы и обычаи типичного еврейского местечка, Цейхенштейн вполне вписывается в мейнстрим своего времени.

Как всякий прозелит, Цейхенштейн всячески нахваливает православие и порицает иудаизм: «С того дня, как я уже стал настоящим христианином, т.е. [официально] принял Св. Крещение, меня преследовала мысль: если Господь поможет мне выслужить службу и я в состоянии [буду хоть несколько ознакомиться] выучусь как-нибудь, хоть немного, читать и писать по-русски, – непременно [написать] сочиню книгу, в которой, главным образом, буду обличать [разоблачу мерзость] еврейское учение, именуемое “талмудом”. Пусть, мечталось мне, читают эту книгу все, и христиане, и сами евреи; пусть как те, так и другие, христиане и евреи, читают и сравнивают затем талмудическое лжеучение с [наивысше]высоко-правдивым учением нашего Спасителя; первые, христиане, ничего не потеряют от этого, напротив – выиграют, укрепившись еще больше в вере; вторые же, евреи, может быть, образумятся и страхнут с себя иго лживого талмуда. Что – дай Бог!»¹³, – правда, при этом, все же стремясь быть объективным: «Чтобы не могли меня упрекнуть в односторонности, чтобы кто-либо из талмудофилов не мог сказать, что я, по злобе своей на бывших своих единоверцев, выставляю напоказ одну только худую сторону почитаемого ими талмуда, а хорошую – умышленно

скрываю, — я по совести скажу, что в талмуде встречается нередко и хорошие вещи достойные хвалы»¹⁴.

Справедливости ради следует отметить и то, что в книге Цейхенштейна встречаются, как мы бы сейчас сказали, вполне ксенофобские высказывания, например: «Беда же моя была в том, что, к великому моему несчастью, я появился на свет Божий, [*сиречь*], т.е. родился, в такой талмудо-фанатико-антихристианской семейке, что о другом воспитании, кроме талмудическо-иудейского — и помыслить нельзя было; отец мой (жизнеописание которого, впрочем, будет мною помещено в своем месте, ниже) был истый тип иудея-фанатика, смертельного врага всему тому, что носит христианское имя и — понятная вещь — своих возлюбленных чад (в том числе, конечно, и меня) воспитал в этом же духе»¹⁵; «Но, утешься моя милая, дорогая возлюбленная книга... Ты, моя бесценная, пала жертвой жидовского фанатизма, опозорена, осквернена, обесчещена фанатиком жидом и сгорела дотла в пламени, но знай: твои страницы, строки, слова и даже все буквы до одной, хранятся в глубине моей души и как хорошие семена, посеянные на благодатную почву, приносили свои хорошие плоды — я все-таки теперь православный христианин»¹⁶; «Изобличить талмуд во лжи одно и то же, что уличить самих евреев в лжеверовании, но, спрашивается: да разве они сами, евреи-то, не знают этого? Разве они сами не видят, что учение их ложь и одна только ложь руководствует им? Не слепы же они в самом деле, чтобы не видеть, что верят в ложь? Нет! Они, Богом возлюбленные евреи, очень хорошо видят то и понимают, но... как бы вам сказать... просто из-за каприза, не хотят признавать правды, а упорно следуют за ложью. Следовательно, толковать евреям и стараться доказывать им, что они находятся в заблуждении, одно и то же, что толковать стаду баранов, ведомому на бойню, что напрасно они, бараны, резвятся и прыгают, соединившись в кучу, так как конец их близок»¹⁷; «И нахлынули наши евреи на матушку Русь и как муравьи расплозились повсюду по ней, не оставляя на ней голого места. По городам, городищам, местечкам, селам и деревням, везде, везде стало их видно — и много! И пошел по всей святой Руси треск, звон, шум, гам и русский воздух наполнился мириадами миазм от непрерывного еврейского галдения. И стали появляться как грибы после дождя, по всем углам нашей обширной России

жидовские кабаки и кабацки – и житья не стало русскому человеку от этих *анафемских* кабаков и содержателей их, жидов.

И стало, наконец, русскому человеку тесно на своей родной земле от непрощенного соседа, еврея, и стал он вглядываться в него, желая угадать: что сей за человек есть?»¹⁸ и т.д.

Но здесь следует сказать, что такое отношение к иудеям в России XIX – начала XX в. было как бы само собой разумеющимся: здесь можно вспомнить и образ жида из «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», и образ еврея из «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя, и негативное отношение к евреям Ф.М. Достоевского¹⁹, и шеститомную работу И.И. Лютостанского «Талмуд и евреи»²⁰, и т.д.

Таким образом, Цейхенштейн вполне пишет в духе своего времени и целиком и полностью соответствует ему. Именно поэтому книга его представляет интерес в качестве первоисточника и для историков, занимающихся историей России второй половины XIX в., и для этнографов, занимающихся изучением быта еврейских местечек Российской империи второй половины XIX в., и для фольклористов, исследующих фольклор евреев, населявших Российскую империю, и для филологов, и многих-многих других. Думается также, что книга эта будет весьма полезна и читателю, которому интересно посмотреть на то, как жили в то время.

Книга написана живым интересным образным языком. Да оно, вероятно, и не может быть по-другому, поскольку, как метко заметил Розанов в своей статье «Замечательная еврейская песнь», «но мы *одни* же позваны к всемирному пониманию и всемирному сочувствию»²¹: по сути дела, к этому же призывает и «Автобиография крещеного еврея» С.И. Цейхенштейна.

¹ Розанов В.В. Юдаизм // Розанов В.В. Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. Сост. А.Н. Николюкина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; коммент. О.В. Быстровой. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 106.

² Там же. С. 26–27.

³ Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый / Сост., вступ. ст. и лит.-ист. коммент. В.А. Чалмаева. М.: Сов. Россия, 1991. С. 99.

- ⁴ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 4 об.
- ⁵ Розанов В.В. Замечательная еврейская песнь // *Розанов В.В. Собрание сочинений. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг.* / Под общ. ред. А.Н. Николожкина. Сост. А.Н. Николожкина, П.П. Апрышко, О.В. Быстровой; коммент. О.В. Быстровой. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 581.
- ⁶ Носов С.Н. В.В. Розанов. Эстетика свободы. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 203.
- ⁷ Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // *Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов* / Ред. Н. Николаев, С. Бочаров. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 99.
- ⁸ Бахтин М.М. <К философии поступка> // *Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов* / Ред. Н. Николаев, С. Бочаров. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 49.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 1.
- ¹⁰ Чехов А.П. Письмо к ученому соседу // *Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1: Сочинения 1880–1882 гг.* / Ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Наука, 1983. С. 11.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 78–83.
- ¹² Талмуд, Мишна и Тосефта / Критический перевод Н. Переферковича: в 7 т. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1902–1906. (Сборник Мишны и ее толкований (из коих важнейшее есть Гемара, принадлежащая рабби Иоханану, раввину IV века) составляет Иерусалимский Талмуд). РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 15.
- ¹³ Там же. Л. 179–180.
- ¹⁴ Там же. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 14.
- ¹⁶ Там же. Л. 17.
- ¹⁷ Там же. Л. 21–22.
- ¹⁸ По поводу отношения Ф.М. Достоевского к евреям см.: *Гришин Д.В. Достоевский – человек, писатель и мифы: Достоевский и его «Дневник писателя»*. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1971. С. 138–156.
- ¹⁹ *Лютостанский И.И.* Талмуд и евреи: в 6 книгах. СПб.: Типография «Т-ва Художественной Печати», 1902.
- ²⁰ Розанов В.В. Замечательная еврейская песнь... С. 600.
- ²¹